

С. А. Мальченков¹, В. Г. Федоров²^{1,2} *Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия)*¹ *e-mail: stamal@yandex.ru*² *e-mail: thisisvladislav@mail.ru*

Концепт «патернализм» в зарубежной социальной и политической философии

Аннотация

Введение. Принципы и механизмы патернализма в сфере государственного управления остаются в фокусе внимания зарубежных исследователей на протяжении длительного времени. Причиной актуализации патерналистских концепций в социально-философской науке XXI в. является поиск ответов на новые вызовы рыночной экономики, а также духовный кризис современного общества.

Материалы и методы. Методологической базой исследования выступили аксиологический, историко-сравнительный и цивилизационный подходы. Связь государства и общества исследовалась в рамках системного, структурно-функционального и институционального подходов. Анализ обширного набора концепций зарубежных авторов потребовал применения герменевтической парадигмы.

Результаты исследования. Идеи патернализма как отеческой заботы государства зародились в глубокой древности и наиболее комплексно проявились в философских воззрениях Конфуция и Аристотеля. В период Нового времени содержание категории было расширено в контексте сочетания прав личности и государства в трудах Дж. Локка и И. Канта. Работы наиболее известного критика патернализма Дж. С. Милля вызвали к жизни многочисленные альтернативные трактовки данного понятия. Дж. Дворкин разработал классификацию разновидностей патернализма, в частности, выделив его жесткую и мягкую формы, которые в настоящее время наиболее активно изучаются в рамках зарубежной науки. Особую значимость приобрел так называемый либертарианский патернализм, известный также как теория подталкивания. В современных исследованиях можно выделить четыре основных подхода, рассматривающих патернализм как рационально-логическую, культурную, правовую и моральную категории.

Обсуждение и заключение. Сопоставляя подходы к пониманию принципов патернализма, отметим, что преобладающая в отечественной социально-философской науке трактовка наиболее близка к позициям азиатских авторов, многие из которых также рассматривают патернализм как историко-цивилизационный феномен, корни которого связаны с положениями религиозных учений. В этом плане наблюдаются существенные отличия от концепций современных западных исследователей, большинство из которых ориентированы на поиск механизмов снижения роли государства в обществе. В целом представляется очевидной необходимость разработки единой теории патернализма.

Ключевые слова: патернализм, государственный патернализм, насильственный патернализм, мягкий патернализм, либертарианский патернализм, теория подталкивания, теория справедливости, конфуцианство, автономия личности, “Nanny state”.

Для цитирования: Мальченков С. А., Федоров В. Г. Концепт «патернализм» в зарубежной социальной и политической философии // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 2. С. 151–164. DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.151-164.

© Мальченков С. А., Федоров В. Г., 2025

Stanislav A. Malchenkov¹, Vladislav G. Fedorov²

^{1,2} National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia),

¹ e-mail: stamal@yandex.ru

² e-mail: thisisvladislav@mail.ru

The Concept of “Paternalism” in Foreign Social and Political Philosophy

Abstract

Introduction. The principles and mechanisms of paternalism in the sphere of public administration have remained in the focus of attention of foreign researchers for a long time. The reason for the actualization of paternalistic concepts in the socio-philosophical science of the 21st century is the search for answers to new challenges of the market economy, as well as the spiritual crisis of modern society.

Materials and Methods. The methodological basis of the study was the axiological, historical-comparative and civilizational approaches. The relationship between the state and society was studied within the framework of the systemic, structural-functional and institutional approaches. The analysis of a wide range of concepts of foreign authors required the use of a hermeneutic paradigm.

Results. The ideas of paternalism as the “fatherly care” of the state originated in ancient times and were most comprehensively manifested in the philosophical views of Confucius and Aristotle. In the Modern Age, the content of the category was expanded in the context of the combination of the rights of the individual and the state in the works of J. Locke and I. Kant. The works of the most famous critic of paternalism, J. S. Mill, gave rise to numerous alternative interpretations of this concept. J. Dworkin developed a classification of the varieties of paternalism, in particular, highlighting its “hard” and “soft” forms, which are currently most actively studied in foreign science. The so-called «libertarian paternalism», also known as the “nudge theory”, has acquired particular significance. In modern research, four main approaches can be distinguished, considering paternalism as a rational-logical, cultural, legal and moral category.

Discussion and Conclusion. Comparing approaches to understanding the principles of paternalism, we note that the interpretation prevailing in domestic social and philosophical science is closest to the positions of Asian authors, many of whom also consider paternalism as a historical and civilizational phenomenon, the roots of which are associated with the provisions of religious teachings. In this regard, there are significant differences from the concepts of modern Western researchers, most of whom are focused on finding mechanisms to reduce the role of the state in society. In general, the need to develop a unified theory of paternalism seems obvious.

Keywords: paternalism, state paternalism, coercive paternalism, soft paternalism, libertarian paternalism, nudge theory, theory of justice, Confucianism, individual autonomy, “Nanny state”.

For citation: Malchenkov S. A., Fedorov V. G. The Concept of “Paternalism” in Foreign Social and Political Philosophy. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(2): 151–164. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.070.025.202502.151-164.

Введение

Феномен патернализма часто воспринимается как продукт прошлого, отсылающий к временам господства традиционных внутрисемейных и феодальных патрон-клиентских отношений. Долгое время в науке преобладала позиция, проецирующая ме-

ханизм власти через опекунство отца своих иждивенцев на уровне государственного управления. Согласно этой модели, монарх воспринимался в глазах народа как отец нации, покровитель государства, защитник интересов подданных, источник любви, понимания и заботы.

В классических политико-философских концепциях патернализм чаще находил негативный отклик. Его критиковали за исключительное подавление свободы человека в мышлении, принятии решений, распоряжении имуществом. Патернализм был нацелен на культивирование системного подчинения человека образу идеального правителя, что приводило к расчленению личностной автономии. Многие мыслители видели в патернализме не столько сгусток архаичности, сколько настоящее зло, несущее вред прогрессу и рациональности.

Несмотря на огромный масштаб критических интерпретаций, интерес к патернализму не ослабевал. В XX в. произошло концептуальное оформление патернализма как целостного философского конструкта. Переломный момент в теории патернализма наступил в XXI в. Перманентные глобальные изменения в рыночной экономике, а также морально-этические вызовы современной общественной системы стали стимулом к актуализации иного восприятия патерналистских концепций.

Представляется очевидным, что в последнее время внимание к теории патернализма нарастает и стремится к всеобъемлющему охвату. Ученые описывают протекание патернализма в науке, педагогике, религии и медицинской практике.

Настоящая статья посвящена анализу изменений взглядов о феномене патернализма в зарубежной социально-философской науке.

Обзор литературы

Вопрос комплексного понимания феномена патернализма нашел отражение в обширном массиве зарубежных и отечественных исследований. В общих чертах механизм протекания отеческого покровительства в многообразии социальных практик закреплен в западной философской мысли. Можно выделить классические труды Аристотеля [1], Дж. Локка [4], И. Канта [3] и Дж. С. Милля [5; 6].

Концептуальный каркас патернализма, включая обоснованное определение понятия, выражен в работе Дж. Дворкина «Патернализм» (1972) [20]. В XXI в. появилось немало авторов, которые интересовались проблемой эффективности различных форм патернализма. Можно назвать публикации Д. Байлера [17], М. Барнетта [14], Б. Бек [15], Н. Бен-Моше [16], П. Ведекинда [39], С. Конли [19], Я. Патковой [31], Р. Рой и Ф. Коллинза [32], Э. Хуна [24].

Идея либертарианского патернализма как одной из проекций мягкого патернализма впервые была выражена в книге Р. Талера и К. Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» [37]. Новая интерпретация патернализма повлекла за собой большой каскад публикаций. С одной стороны, Й. Нисс [25] и Н. Гейн [21] положительно оценивали неклассический подход авторов к построению рассуждений о патернализме. С другой – Ш. Райан [33] и Д. Скочиа [34] рассматривают либертарианский патернализм с критических позиций.

Анализ феномена патернализма нашел отражение и в трудах отечественных исследователей. Одна из наиболее ранних работ принадлежит Т. Ф. Ермоленко [2], которая не только исследовала патерналистские аспекты политической культуры России, но и систематизировала подходы к пониманию патернализма. В работах Н. В. Шушковой впервые в отечественной науке выделены этапы формирования учения о патернализме и, в частности, отмечены причины расхождения в подходах, которое наметилось в XX в.: неслучайно в названии одной из ее публикаций патернализм охарактеризован как «ускользающий» [12]. Сравнительный анализ патерналистских воззрений мыслителей Нового времени содержится в исследовании В. Д. Спасова [11]. Заметный вклад в развитие представлений о новейших формах патернализма внесли публикации А. Я. Рубинштейна и А. Е. Городецкого

[10], Н. В. Путило и Н. С. Волковой [8], а также О. В. Романовской [9].

Отметим, что в последние годы количество публикаций на тему патернализма возросло. Такая тенденция объективно объясняется повышенным вниманием к поиску баланса отношений между покровителем и опекаемым в социально-политической философии. По этой причине назрела необходимость в новых исследованиях проявления патернализма в различных социальных практиках XXI в.

Материалы и методы

Многообразие сущностных характеристик понятия «патернализм» диктует необходимость обращения к широкому кругу методологических подходов для комплексного изучения данного явления. В первую очередь отметим значимость аксиологического подхода, который позволил выявить различные ценностные аспекты толкования патернализма как социально-философской категории.

Исследование патернализма невозможно в отрыве от изучения его практического воплощения в истории различных государств, что предопределило применение историко-генетического и историко-сравнительного подходов. Исследовательская оптика цивилизационного подхода дала широкие возможности для сопоставления содержания и принципов патернализма в обществах Запада и Востока.

Связь общества и государства, а также их взаимовлияние друг на друга обнаруживаются благодаря использованию системного и структурно-функционального подходов. В то же время институциональный подход позволяет сосредоточиться на специфике механизма патерналистского воздействия.

Рассматривая специальные научные приемы, подчеркнем значимость для исследования диалектического метода, который предоставляет возможность анализировать

проявления патернализма в общественных отношениях как сложного противоречивого объекта, находящегося в постоянном движении.

Поскольку в качестве основных материалов исследования выступили многочисленные публикации зарубежных ученых, большую роль в толковании различных подходов к пониманию патернализма сыграл герменевтический метод.

Результаты исследования

Тема отцовской власти или отцовского покровительства занимала мыслителей с глубокой древности. Особое значение отца как ревнителя ценностей целых поколений, носителя многовекового опыта народа, защитника интересов и всеобъемлющего опекуна отмечалось в древнекитайском конфуцианском учении. Особенность модели состояла в почитании верховного божества Неба, в орбите которого находилась священная фигура императора – «Сына Неба». Императорская власть и весь административно-бюрократический аппарат воспринимались как покровители обычных людей. Культ преемственности поколений и почитания предков в кровнородственных отношениях ставил во главу угла формулу всепроникающего опекунства. Государство в этой схеме отождествлялось с большой семьей: император – отец, простолюдины – младшие родственники [2, с. 34]. Конфуцианское философско-религиозное учение послужило отправной точкой в развитии представлений о патерналистской природе вертикальных иерархических социальных связей.

Описание властных отношений как семьи в античной философии восходит к концепту аристотелевской патриархии. В рамках политической философии Аристотель рассматривал домохозяйство как трехступенчатую модель властных отношений, которая состоит из трех накладывающихся друг на друга, но тем не менее самостоя-

тельных типов: муж – жена, отец – сын и господин – раб. Каждый из типов в своей структуре содержит роль покровителя (муж, отец, господин) и подчиненного (жена, сын, раб). Необходимо подчеркнуть, что покровитель в своей сущности может являться одним и тем же лицом. Следовательно, Аристотель постулирует о вопросе элементарных форм власти через призму вопроса об отношениях покровителя и подчиненного [1, с. 65]. Трехступенчатая модель Аристотеля повлияла на складывание в политической философии традиционного взгляда на патриархию.

Большой пласт философских представлений о природе патернализма нашел отражение в европейской традиции XVII–XIX вв. Отправной точкой анализа патернализма послужил критический отзыв Дж. Локка на труд Р. Филмера «Патриарх, или Естественная власть королей». Автор последнего опирался на аристотелевское понимание властных отношений в семье, а именно исходил из обоснования, что источником первой королевской власти служил отец семейства. Р. Филмер предложил новаторский подход к классической модели патриархии: жены, сыновья, слуги, подданные – априори воспринимались главой семейства безропотными детьми, требующими опекуна и любви [7, с. 96].

Данные рассуждения встретили категорическое сопротивление со стороны Дж. Локка. По его мнению, патриарх обосновывает идею «всякое правление есть абсолютная монархия», сопровождаемую доказательством в виде догмы «Ни один человек не рождается свободным» [4, с. 11], подразумевая, что люди сразу же попадают под покровительство отца, тогда как по мере взросления переключаются под власть отца народа – абсолютного монарха (наследника Адама). В ходе всех итераций человек остается беспомощным перед лицом отца-правителя, который не только

возвышался титулом, но и приватизировал «...божественное, неизменное право верховной власти, благодаря которому отец или монарх обладает абсолютной, деспотической, неограниченной и не поддающейся ограничению властью над жизнью, свободой и имуществом своих детей или подданных» [4, с. 211]. Логика патриархально-патерналистского управления Р. Филмера наносила удар по установке о существовании естественных прав и свобод личности. Исходя из этого, Дж. Локк защищал диаметрально противоположную точку зрения: каждый человек воплощает в себе наследие Адама, в том числе свободолюбие, ниспосланное Творцом. Любая земная власть вторична, поскольку над ней сияет власть Всевышнего. Монарх, чья воля устраивать тиранию в отношении к своим подданным, обязан быть низложен народным духом справедливости.

По теме патернализма высказывался также И. Кант. В вопросе об идеальном государственном устройстве он разделял подход предшественников (в частности, позицию Дж. Локка). Философ находился у истоков концепции правового государства (Rechtsstaat), идеал которого противопоставлял патерналистскому государству (imperium paternale), ибо в патерналистском государстве «суверен хочет по своим понятиям сделать народ счастливым и становится деспотом» [3, с. 191]. Патернализм нацелен на нарушение равновесия «равного достоинства людей». По И. Канту, уважение к достоинству личности заключено в уважении к его способности свободно думать и действовать независимо. Установка на патернализм вопреки волеизъявлению навязывает человеку мысли о собственной безропотности, внедряет комплексную модель бездумного подчинения образу покровителя. При патерналистской форме общественных отношений к человеку относятся как к средству, но не как к цели. И. Кант

апеллировал к обратному постулату, что человек должен быть целью, а не средством, посему патернализм противоестествен, ничтожен и недопустим [11, с. 285].

Ярым противником патернализма принято считать английского мыслителя XIX столетия Дж. С. Милля. Философ настаивал, что вопреки деструктивному поведению личности по отношению к себе (например, умышленное причинение вреда здоровью) выбор всегда осуществляется человеком и не должно быть вмешательства в его волю. Единственная причина, которая способна повлиять на ограничение свободы человека, – возможность причинения вреда другим людям (принцип предотвращения вреда).

Изначально Дж. С. Милль убеждал полностью запретить патернализм. Во-первых, власть патрона может зиждиться на корысти, тщеславии, продажности и злоупотреблении полномочиями. Власть имущие используют патерналистскую установку в интересах самоличного обогащения в противовес интересам граждан. Подобные махинации приводят к нанесению вреда и ограничению личной свободы. Во-вторых, правители с благими намерениями не могут достаточно отразить настроения народа, определить их правильно, поэтому в большей степени благо народу преподнесут выходцы из народа [6, с. 85].

Дж. С. Милль критически относился к предоставлению государству широких дискреционных полномочий для принятия патерналистских законов. Стоит отметить, что сторонники мыслителя, в особенности консеквенциалисты, не были согласны с его трактовкой о полном табуировании патернализма. В защиту своих доводов они приводили тезис об успешных патерналистских ограничителях: применении мер государственного принуждения, оправданных для предотвращения психологического вреда (а не только явного, физического урона личности), а также для ограничения

свободы человека за аморальное поведение, которое в силу обстоятельств не несет адресного вреда, а скорее подрывает ценностный фундамент общества. Когда люди выражают недовольство патернализмом, они скорее всего имеют в виду патернализм неудачный (тиранический).

Ответом критикам послужила перфекционистская концепция счастья. По мнению Дж. С. Милля, счастье человека зависит от способности ответственно контролировать свое поведение. Получается, что личностное благо достигается путем ответственного выбора, целеполагания и самоутверждения. Личная автономность воплощает важный компонент собственного блага, тогда как патернализм предсказуемо размывает благо [6, с. 103]. Перфекционизм Дж. С. Милля не обосновывает абсолютно-го запрета патернализма, но указывает на проблемы достижения успешного патернализма: благоприятное вмешательство государства в дела автономного субъекта без нарушения свободы воли – утопия. В связи с уровнем допустимых свобод, которые определяют важность совершения мыслительных способностей, необходимо допускать ограничение таких свобод для совершения действий, направленных на лишение человека воли на реализацию все тех же свобод. Таким образом, Дж. С. Милль проводит черту, принципиально отвергающую запрет обычного патернализма [5, с. 114].

Концептуальный макет патернализма, включающий его основополагающее определение, появился во второй половине XX в. в работе «Патернализм» Дж. Дворкина. Под патернализмом он понимал «вмешательства (действия или бездействия), которые посягают на свободу или личную автономию человека без его явного или подразумеваемого согласия и для его собственного блага» [20, р. 65].

Дж. Дворкин отметил три ключевых компонента патерналистских практик:

- а) ограничивают свободы человека;
- б) совершаются без согласия субъекта;
- в) совершаются для блага или благополучия субъекта [15, р. 224].

Свои рассуждения Дж. Дворкин строит на критическом анализе выводов Дж. С. Милля с опорой на консеквенциалистскую парадигму. В его понимании патернализм обеспечивает автономию в целом, вопреки ограничению автономии в конкретном случае. В общих чертах Дж. Дворкин пытается доказать, что комплексная положительная польза от патернализма нивелирует краткосрочную отрицательную практику применения.

В контексте презумпции патерналистского посягательства на свободу (юридическую) или автономию (моральную) патернализм позиционирует себя в рамках бинарной концепции. Исходя из этих доводов, выявляется проблема юридического/морального истолкования и оправдания патерналистского вмешательства. Ценностная оценка этических представлений людей заключена в масштабном плюрализме, что в свою очередь усложняет задействование патерналистской практики. В таких обстоятельствах Дж. Дворкин постулирует необходимость обращаться с каждым этическим кейсом в отдельности. Подмечается факт эксплуатации патернализма исключительно в тех случаях, когда посягательство на ограничение свободы носит тривиальный характер. Государственная власть должна нести бремя ответственного доказательства и выбора наименьшего ограничения в целях служения патернализму полезному благу [20, р. 80].

Впервые в истории социальной философии Дж. Дворкин осуществил подробную типологизацию патерналистских практик. Он выделял существование жесткого и мягкого патернализма, широкого и узкого патернализма, сильного и слабого патернализма, чистого и нечистого патернализма,

патернализма благополучия и морального патернализма [20, р. 82]. Учение Дж. Дворкина посеяло зерно сомнения в однозначное понимание патернализма, что послужило стимулом к строительству полноценного концепта нового патернализма.

Анализ зарубежных научных трудов первой четверти XXI в. демонстрирует, что содержательная широта концепта «патернализм» не только не сокращается, но и приобретает новые значения. Имеющиеся в литературе подходы можно разделить на несколько групп. Одним из критериев такого деления может стать оценка эффективности различных форм патернализма. В последние годы типологизации не ограничиваются делением патернализма на сильный и слабый, жесткий и мягкий. Н. Бен-Моше предлагает ввести разграничение на внешний и внутренний патернализм: последний, по его мнению, фактически вызывается желанием самого опекаемого объекта [16].

Стоит отметить, что в настоящее время за рубежом сохраняется немало сторонников жесткой разновидности патернализма. Например, С. Конли в своей нашумевшей книге 2012 г. «Против автономии: оправдание принудительного патернализма» [19] подробно разбирает негативные издержки государственного контроля и приходит к выводу, что они не перевешивают положительные последствия. Такой подход также распространен в азиатских странах. В частности, автор из Гонконга Э. Хун защищает жесткий патернализм с позиций конфуцианского представления о государстве как большой семье [24].

К более обширной группе относятся работы, авторы которых вслед за Дж. С. Миллем рассматривают патернализм в негативном контексте и соотносят его с проявлением авторитарных тенденций. Впрочем, внутри этого направления также просматриваются две основные вет-

ви. Одна из них подвергает критике классический жесткий патернализм, который в политической сфере в наиболее явной форме прослеживается в межэтнических отношениях. Я. Паткова из Карлова университета, рассуждая об отношениях чехов и их «младших братьев» словаков на рубеже XIX–XX вв., сравнивает патернализм с колониализмом [31, р. 79]. Аналогичные процессы наблюдаются и сегодня. Р. Рой и Ф. Коллинз соотносят патернализм и расизм применительно к положению в Новой Зеландии сезонных рабочих с островов Тихого океана [32]. Наконец, наиболее трагичным явлением представляется насильственный патернализм: этим термином Д. Байлер характеризует политику КНР по отношению к уйгурам [17].

Вторая линия критики, вероятно, представляет собой новое явление: она направлена уже не на явные проявления патернализма, а на его новейшие мягкие формы (термин Дж. Фейнберга), которые до недавнего времени было принято воспринимать как исключительно позитивные. Так, П. Ведекинд приходит к выводу, что любые формы заботы со стороны государства (в том числе проявления так называемого “Nanny state”, т. е. борьба с курением, потреблением сахара и т. д.) в конечном счете направлены на ограничение социальной и политической свободы [39, р. 310]. М. Барнетт и вовсе видит в мягком протекционизме «глобальную угрозу», поскольку увеличение роли государства, по его мнению, неминуемо сформирует условия для возникновения мирового правительства [14, р. 216].

Пожалуй, наиболее активно обсуждаемым в научной среде ответвлением теории патернализма в XXI в. стал так называемый либертарианский патернализм, растущее влияние которого требует воспринимать его шире, чем одно из проявлений мягкого патернализма. Отправной точкой данного направления следует считать выход в 2008 г.

книги Р. Талера и К. Санстейна «Nudge. Архитектура выбора» [37]. В современной русскоязычной литературе еще нет устоявшегося наименования ключевого для данного подхода термина: ряд авторов используют понятие *nudge* без перевода, в то время как другие используют выражение «теория подталкивания». Ключевое положение либертарианского патернализма действительно можно выразить как подталкивание (при минимальном вмешательстве и затратах) людей к поведению, которое выгодно государству или иному субъекту власти.

Появление принципиально новой трактовки патернализма неминуемо вызвало к жизни большое число публикаций о будущем либертарианского патернализма, дискуссии о котором активно продолжаются в зарубежной науке 2010–2020-х гг. Польский экономист А. Остапюк находит у подталкивания много общего с так называемым подходом, основанным на возможностях, сформулированным А. Сенем и М. Нуссбаум [30, р. 457]. Й. Нисс, положительно оценивая перспективы либертарианского патернализма, полагает, что понятие «архитектура выбора» должно быть заменено на менее жесткий термин «архитектура предпочтений» [25, р. 12]. Н. Гейн в своей работе подробно сопоставляет плюсы и минусы подталкивания: одним из последних он называет гендерные аспекты данного механизма [21, р. 131].

Неудивительно, что у либертарианского патернализма в последние годы наметилось множество критиков. Так, например, Ш. Райан полагает, что такая форма воздействия в наибольшей форме нарушает волю объекта, а потому предлагает определять подталкивание как самое очевидное в современном мире проявление жесткого патернализма [33, р. 66]. Д. Скоччия утверждает, что политика государства должна преодолеть «навязывание жертвам своей цели» и постепенно перейти в фор-

мат так называемого благоразумного патернализма [34, р. 22].

Помимо спора о наиболее эффективных разновидностях патернализма, в современной зарубежной науке не стихает дискуссия о философских основаниях и идейных принципах этого явления. Представляется, что можно выделить четыре основных подхода, преобладающих в исследованиях XXI в.

1. Патернализм как рационально-логическая категория

Понимание патернализма в контексте теории принятия решений широко распространено, в первую очередь в экономике. Неслучайно один из творцов либертарианского патернализма Р. Талер неоднократно был соавтором Д. Канемана и А. Тверски. Впрочем, современные авторы видят в рациональном толковании не только плюсы. М. Чолби полагает, что «рациональное убеждение обычно отклоняет обвинения в патернализме», поэтому важно не избавляться от патернализма как такового, а устранить его негативные последствия [18, р. 125]. Х. Андреу отмечает, что патернализм будет более эффективен, если исключить из него так называемое предположение о превосходстве, т. е. все иррациональные элементы властных отношений [13, р. 3].

2. Патернализм как культурная категория

В этом контексте патернализм понимается через представление о культурном капитале П. Бурдье. Данный подход прямо связан с экономическим толкованием патернализма, которое ранее преобладало в науке. К. Конрад и С. Саймон, опираясь на представления Р. Инглхарта о цене счастья, исследовали вопрос об удовлетворенности жизнью во время пандемии COVID-19 [26]. Они обнаружили очевидную обратную связь между предпочтением патерналистских вмешательств государства и высокой оценкой личных свобод.

3. Патернализм как правовая категория

Представители данного направления в первую очередь задаются вопросом о том, как принципы государственного патернализма могут быть встроены в систему управления. М. Гроссман видит разницу между жестким и мягким патернализмом именно в возможности установления «формальных правил» [22, р. 34]. Дж. Тернер, опирающийся на принципы теории справедливости Дж. Роулза, уточняет, что патернализм должен не подаваться как персонифицированное право отдельных лиц, а быть безликим и в правовом контексте находиться на расстоянии от прав человека [38, р. 29]. Важно подчеркнуть, что авторы-правоведы не стремятся абсолютизировать юридическое толкование: неслучайно С. Шайнтул в двух отдельных статьях [35; 36] устанавливает симметричную нормативную связь между патернализмом и правами, а также между патернализмом и верой.

4. Патернализм как моральная категория

В рамках данного подхода акцент делается на правомерности патерналистских отношений с этических позиций. Л. Хазарика из Университета Дж. Неру анализирует моральные условия, при которых патерналистское отношение или поведение считаются проблематичными [23, р. 111]. Значительный интерес представляет предложенная М. Нильсеном категория «самопатернализм», при котором внешнее навязывание глубоко проникает в моральные нормы человека и спустя некоторое время начинает исходить от него самого [28, р. 30]. Б. Бек резюмирует, что обоснование патернализма диалектически зависит от понимания свободы и автономии в том или ином обществе [15, р. 223].

Стоит также отметить, что помимо политико-философского толкования патернализма, в рамках которого в качестве субъекта обычно выступает государство, в современной науке по-прежнему популярны работы

о проявлениях патернализма в сферах, на первый взгляд далеких от политики. В частности, выходит большое число публикаций о медицинском патернализме в отношениях врача и пациента. Я. Ортманн вслед за Б. Латуром пишет о патернализме в науке, который часто проявляется в ее перформативности, т. е. в стремлении подогнать реальность под результаты исследования [29, р. 16]. Весьма интересны выводы Э. Мукары о патернализме в религии, в частности в миссионерской деятельности [27]. Эти и другие исследования также раскрывают отдельные составные элементы понимания патернализма в XXI в. и прямо отражают социальные конструкты современного общества.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги, еще раз подчеркнем, что наметившееся еще во второй половине XX в. расхождение в подходах к пониманию патернализма в научной литературе в последнее десятилетие не только не было преодолено, но и существенным образом расширилось.

Проведенный в рамках исследования анализ широкого круга научных публикаций по данной теме показал, что категориальный аппарат зарубежных исследователей не всегда совпадает с пониманием патернализма в рамках отечественной науки. Действительно, российские ученые главным образом исследуют патернализм в контексте исторического и цивилизационного своеобразия российской государственности, выводя на первый план принципы этатизма. В этом смысле прослеживается некоторое сходство трактовок с позициями азиатских исследователей: авторы из Индии и Китая также предпочитают искать

корни патерналистских настроений в обществе в традициях и религиозных постулатах индуизма, ислама, конфуцианства.

Существенным своеобразием характеризуется изучение теории и практики патернализма в современной западной науке. Продолжая линию Дж. С. Милля, большинство авторов отвергают жесткую разновидность этого явления. Впрочем, отрицание крайних проявлений патернализма сформировало почву для возникновения многочисленных альтернативных трактовок, базирующихся на принципах экономики, политологии, социологии, культурологии, а также юриспруденции. Короткий всплеск популярности либертарианского патернализма не дал исчерпывающих ответов на новые вызовы современности, одним из которых, в частности, стали масштабные ограничения свободы личности в период пандемии COVID-19. В настоящее время многие зарубежные ученые сознательно выстраивают собственную модель патернализма, основываясь на критике уже имеющихся подходов. Парадоксально, что мягкие формы патернализма, которые еще недавно рассматривались как универсальная панацея от его негативных последствий, сегодня отрицаются рядом авторов как недемократические в условиях существенной эволюции восприятия авторитаризма и демократии.

В целом можно констатировать, что в XXI в. патернализм остается неуловимой и ускользающей категорией социально-философской науки. Подобное положение дел демонстрирует диверсификацию поля исследования патернализма и актуализирует необходимость построения единой теории в данной сфере.

Список источников

1. *Аристотель*. Политика / пер.; С. А. Жебелев. М.: АСТ, 2024. 384 с.
2. *Ермоленко Т. Ф.* Патернализм в политической культуре России. М.: Феникс, 1998. 167 с.
3. *Кант И.* Сочинения: в 8 т. М.: ЧОРО, 1994. Т. 8. 718 с.
4. *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е. С. Лагутина, Ю. В. Семенова. М.: Социум, 2019. 482 с.

5. *Милль Дж. С.* О свободе. М.: Юрайт, 2023. 128 с.
6. *Милль Дж. С.* Утилитаризм / предисл. А. С. Земерова. Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2013. 240 с.
7. *Мишура А. С., Павлов А. В.* «Патриархия»: политическая философия Роберта Филмера // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2014. № 1. С. 92–105.
8. *Путило Н. В., Волкова Н. С.* Феномен “Nanny state”: новый вид государства или модификация государственного патернализма в современных условиях? // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 19–31. DOI: 10.12737/jrl.2020.144.
9. *Романовская О. В.* Либертарианский патернализм и его влияние на развитие правовых институтов в России и за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 4. С. 919–941. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-919-941.
10. *Рубинштейн А. Я., Городецкий А. Е.* Государственный патернализм и патерналистский провал в теории опекаемых благ // Журнал институциональных исследований. 2018. № 10. С. 38–57. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057.
11. *Спасов В. Д.* Патернализм и свобода личности // Вестник ТОГУ. 2012. № 2. С. 281–288.
12. *Шушкова Н. В.* Этот ускользящий патернализм: попытка построения концепции // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 39–57.
13. *Andreou C.* Paternalism and presumed superiority // *Analysis*. 2022. Vol. 83, Issue 1. P. 1–15. DOI: 10.1093/analys/anac047.
14. *Barnett M.* Paternalism and global governance // *Social Philosophy and Policy*. 2015. Vol. 32, Issue 01. P. 216–243. DOI: 10.1017/S026505251500014X.
15. *Beck B.* Paternalism and Liberty / Autonomy as Dialectically Related Concepts // *Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie*. 2023. Vol. 6. P. 223–237.
16. *Ben-Moshe N.* Internal and External Paternalism // *Canadian Journal of Philosophy*. 2023. Vol. 52, No. 6. P. 1–15. DOI: 10.1017/can.2023.5.
17. *Byler D.* Violent Paternalism: On the Banality of Uyghur Unfreedom // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2025. Vol. 16, Issue 14. P. 1–15. DOI: 10.1017/S1557466018014900.
18. *Cholbi M.* Paternalism and our Rational Powers // *Mind*. 2016. Vol. 126, Issue 501. P. 123–153. DOI: 10.1093/mind/fzv205.
19. *Conly S.* *Against Autonomy: Justifying Coercive Paternalism*. Cambridge, 2012. 216 p.
20. *Dworkin G.* Paternalism // *The Monist*. 1972. Vol. 56. P. 64–84.
21. *Gane N.* Nudge Economics as Libertarian Paternalism // *Theory Culture & Society*. 2021. Vol. 38, Issue 6. P. 119–142. DOI: 10.1177/0263276421999447.
22. *Grossmann M.* Paternalism and Deliberation: An Experiment on Making Formal Rules // *ArXiv*. 2025. January. P. 1–41. DOI: 10.48550/arXiv.2501.00863.
23. *Hazarika L.* Paternalism: Its Normative Issues and the Debate // *International Journal of Advanced Studies*. 2020. Vol. 9, Issue 2. P. 111–124. DOI: 10.33945/SAMI/IJASHSS.2020.2.3.
24. *Hung A. T. W.* Hard Paternalism and Confucian Familism // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 17, Issue 4. P. 1–24. DOI: 10.1007/s40647-024-00404-5.
25. *Kniess J.* Libertarian Paternalism and the Problem of Preference Architecture // *British Journal of Political Science*. 2021. Vol. 52, Issue 2. P. 1–13. DOI: 10.1017/S0007123420000630.
26. *Konrad K., Simon S.* Paternalism attitudes and the happiness value of fundamental freedoms // *Economics of Governance*. 2025. Vol. 26, Issue 1. P. 23–56. DOI: 10.1007/s10101-024-00322-y.
27. *Mukaria A. R.* The Passing of Paternalism in Mission: A Challenge to Reverse Mission // *Mission Studies*. 2025. Vol. 42, Issue 1. P. 104–119. DOI: 10.1163/15733831-12342010.
28. *Nielsen M.* Self-paternalism: The Concept and Key Normative Problems // *International Journal of Applied Ethics*. 2024. Vol. 10, Issue 1. P. 29–46. DOI: 10.51245/ijaethics.v10i1.2024.46.
29. *Ortmann J.* Performative paternalism // *European Journal for Philosophy of Science*. 2025. Vol. 15, Issue 2. P. 15–25. DOI: 10.1007/s13194-025-00651-7.
30. *Ostapiuk A.* Libertarian paternalism and the capability approach. Friends or foes? // *Ekonomista*. 2024. Vol. 4. P. 456–482. DOI: 10.52335/ekon/188776.

31. *Patkova J.* Between paternalism and colonialism: Czechs and Slovaks from the 19th century to the first half of the 20th century // *Studia Slavica*. 2024. Vol. 69, Issue 1. P. 79–90. DOI: 10.1556/060.2024.00157.
32. *Roy R., Collins F.* Paternalism and racism in Pacific labour migration: A critical discourse analysis of the Recognised Seasonal Employer scheme // *Ethnicities*. 2025. April. P. 1–26. DOI: 10.1177/14687968251330888.
33. *Ryan S.* Libertarian paternalism is hard paternalism // *Analysis*. 2018. Vol. 78, Issue 1. P. 65–73. DOI: 10.1093/analys/anx150.
34. *Scoccia D.* Paternalisms and nudges // *Economics and Philosophy*. 2018. Vol. 35, Issue 1. P. 1–24. DOI: 10.1017/S0266267118000093.
35. *Sheintul S.* On the Normative Connection Between Paternalism and Rights // *Journal of Ethics and Social Philosophy*. 2022. Vol. 21, Issue 2. P. 282–289. DOI: 10.26556/jesp.v21i2.1304.
36. *Sheintul S.* The Normative Connection Between Paternalism and Belief // *The Journal of Ethics*. 2021. Vol. 27, Issue 1. P. 119–130. DOI: 10.1007/s10892-021-09388-w.
37. *Thaler R., Sunstein C.* *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Heaven: Yale University Press. 2008. 312 p.
38. *Turner J.* Paternalism at a Distance // *Law and Philosophy*. 2024. Vol. 43, Issue 3. P. 1–34. DOI: 10.1007/s10982-023-09487-9.
39. *Wedekind P.* Paternalism: A Flawed Basis for Liberty-limiting Policies? // *Politologicky casopis – Czech Journal of Political Science*. 2021. Vol. 28, Issue 3. P. 293–313. DOI: 10.5817/PC2021-3-293.

References

1. *Aristotle.* *Politics*. Moscow, 2024. 384 p. (In Russ.)
2. *Yermolenko T. F.* *Paternalism in the political culture of Russia*. Moscow, 1998. 167 p. (In Russ.)
3. *Kant I.* *Works*. In 8 volumes. Vol. 8. Moscow, 1994. 718 p. (In Russ.)
4. *Locke J.* *Two Treatises on Government*. Moscow, 2019. 482 p. (In Russ.)
5. *Mill J. S.* *On Liberty*. Moscow, 2023. 128 p. (In Russ.)
6. *Mill J. S.* *Utilitarianism*. Rostov-on-Don: Donskoy Publishing House, 2013. 240 p. (In Russ.)
7. *Mishura A. S., Pavlov A. V.* “Patriarchy”: the political philosophy of Robert Filmer. *Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki “Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz”* = Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics “Politics. Analysis. Chronicle. Forecast”. 2014;1(72):92–105. (In Russ.)
8. *Putilo N. V., Volkova N. S.* The phenomenon of the “Nanny state”: a new type of state or a modification of state paternalism in modern conditions? *Zhurnal rossiyskogo prava* = Journal of Russian Law. 2020; 12: 19–31. DOI: 10.12737/jrl.2020.144. (In Russ.)
9. *Romanovskaya O. V.* Libertarian paternalism and its influence on the development of legal institutions in Russia and abroad // *Bulletin of Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 919–941. DOI: 10.22363/2313-2337-2020-24-4-919-941. (In Russ.)
10. *Rubinstein A. Ya., Gorodetsky A. E.* State paternalism and paternalistic failure in the theory of patronized goods. *Zhurnal institutsional’nykh issledovaniy* = Journal of Institutional Studies. 2018; 10(4): 38–57. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.4.038-057. (In Russ.)
11. *Spasov V. D.* Paternalism and personal freedom. *Vestnik TOGU* = Bulletin of Pacific National University. 2012; 2(25): 281–288. (In Russ.)
12. *Shushkova N. V.* This elusive paternalism: an attempt to construct a concept. *Sotsiologicheskii zhurnal* = Sociological Journal. 2007; 1: 39–57. (In Russ.)
13. *Andreou C.* Paternalism and presumed superiority. *Analysis*. 2022; 83(1): 1–15. DOI: 10.1093/analys/anac047. (In Eng.)
14. *Barnett M.* Paternalism and global governance. *Social Philosophy and Policy*. 2015; 32(01): 216–243. DOI: 10.1017/S026505251500014X. (In Eng.)
15. *Beck B.* Paternalism and Liberty / Autonomy as Dialectically Related Concepts. *Zeitschrift für Ethik und Moralphilosophie*. 2023; 6: 223–237. (In Eng.)

16. Ben-Moshe N. Internal and External Paternalism. *Canadian Journal of Philosophy*. 2023;52(6):1–15. DOI: 10.1017/can.2023.5. (In Eng.)
17. Byler D. Violent Paternalism: On the Banality of Uyghur Unfreedom. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. 2025; 16(14): 1–15. DOI: 10.1017/S1557466018014900. (In Eng.)
18. Cholbi M. Paternalism and our Rational Powers. *Mind*. 2016; 126(501): 123–153. DOI: 10.1093/mind/fzv205. (In Eng.)
19. Conly S. *Against Autonomy: Justifying Coercive Paternalism*. Cambridge, 2012. 216 p. (In Eng.)
20. Dworkin G. Paternalism. *The Monist*. 1972;56:64–84. (In Eng.)
21. Gane N. Nudge Economics as Libertarian Paternalism. *Theory Culture & Society*. 2021; 38(6): 119–142. DOI: 10.1177/0263276421999447. (In Eng.)
22. Grossmann M. Paternalism and Deliberation: An Experiment on Making Formal Rules. *ArXiv*. 2025. January. P. 1–41. DOI: 10.48550/arXiv.2501.00863. (In Eng.)
23. Hazarika L. Paternalism: Its Normative Issues and the Debate. *International Journal of Advanced Studies*. 2020; 9(2): 111–124. DOI: 10.33945/SAMI/IJASHSS.2020.2.3. (In Eng.)
24. Hung A. T. W. Hard Paternalism and Confucian Familism. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*. 2024; 17(4): 1–24. DOI: 10.1007/s40647-024-00404-5. (In Eng.)
25. Knies J. Libertarian Paternalism and the Problem of Preference Architecture. *British Journal of Political Science*. 2021; 52(2): 1–13. DOI: 10.1017/S0007123420000630. (In Eng.)
26. Konrad K., Simon S. Paternalism attitudes and the happiness value of fundamental freedoms. *Economics of Governance*. 2025; 26(1):23–56. DOI: 10.1007/s10101-024-00322-y. (In Eng.)
27. Mukaria A. R. The Passing of Paternalism in Mission: A Challenge to Reverse Mission. *Mission Studies*. 2025; 42(1): 104–119. DOI: 10.1163/15733831-12342010. (In Eng.)
28. Nielsen M. Self-paternalism: The Concept and Key Normative Problems. *International Journal of Applied Ethics*. 2024; 10(1): 29–46. DOI: 10.51245/ijaethics.v10i1.2024.46. (In Eng.)
29. Ortmann J. Performative paternalism. *European Journal for Philosophy of Science*. 2025; 15(2): 15–25. DOI: 10.1007/s13194-025-00651-7. (In Eng.)
30. Ostapiuk A. Libertarian paternalism and the capability approach. Friends or foes? *Ekonomista*. 2024; 4:456–482. DOI: 10.52335/ekon/188776. (In Eng.)
31. Patkova J. Between paternalism and colonialism: Czechs and Slovaks from the 19th century to the first half of the 20th century. *Studia Slavica*. 2024; 69(1): 79–90. DOI: 10.1556/060.2024.00157. (In Eng.)
32. Roy R., Collins F. Paternalism and racism in Pacific labour migration: A critical discourse analysis of the Recognised Seasonal Employer scheme. *Ethnicities*. 2025. April. P. 1–26. DOI: 10.1177/14687968251330888. (In Eng.)
33. Ryan S. Libertarian paternalism is hard paternalism. *Analysis*. 2018; 78(1): 65–73. DOI: 10.1093/analysis/anx150. (In Eng.)
34. Scoccia D. Paternalisms and nudges. *Economics and Philosophy*. 2018; 35(1): 1–24. DOI: 10.1017/S0266267118000093. (In Eng.)
35. Sheintul S. On the Normative Connection Between Paternalism and Rights. *Journal of Ethics and Social Philosophy*. 2022; 21(2): 282–289. DOI: 10.26556/jesp.v21i2.1304. (In Eng.)
36. Sheintul S. The Normative Connection Between Paternalism and Belief. *The Journal of Ethics*. 2021; 27(1): 119–130. DOI: 10.1007/s10892-021-09388-w. (In Eng.)
37. Thaler R., Sunstein C. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. New Heaven: Yale University Press. 2008. 312 p. (In Eng.)
38. Turner J. Paternalism at a Distance. *Law and Philosophy*. 2024; 43(3): 1–34. DOI: 10.1007/s10982-023-09487-9. (In Eng.)
39. Wedekind P. Paternalism: A Flawed Basis for Liberty-limiting Policies? *Politologicky casopis – Czech Journal of Political Science*. 2021; 28(3): 293–313. DOI: 10.5817/PC2021-3-293. (In Eng.)

Поступила 17.02.2025.

Сведения об авторах

Мальченков Станислав Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: цивилизационный выбор России, геополитика, политическая стратегия России, этнополитология, финно-угорские народы России. Автор более 90 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>.

E-mail: stamal@yandex.ru

Федоров Владислав Глебович – преподаватель, аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Историко-социологического института Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: политический и государственный патернализм, неопатримонильные режимы, политическая психология масс, имиджевые технологии, манипуляции массовым сознанием. Автор более 10 научных и учебно-методических работ. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6677-9510>.

E-mail: thisisvladislav@mail.ru

Submitted 17.02.2025.

About the authors

Stanislav A. Malchenkov – Doc. Sci. (Philosophy), Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: civilization choice of Russia, geopolitics, political strategy of Russia, ethnopolitology, Finno-Ugric peoples of Russia. The author of more than 90 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3274-4410>.

E-mail: stamal@yandex.ru

Vladislav G. Fedorov – Lecturer, Postgraduate, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). Research interests: political and state paternalism, neopatrimonial regimes, political psychology of the masses, image technologies, manipulation of mass consciousness. The author of more than 10 scientific and educational publications. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6677-9510>.

E-mail: thisisvladislav@mail.ru